

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ И АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

ЖАНР СТИХОТВОРНОЙ МОЛИТВЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

И. П. Зайцева

УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»
(Витебск)

В современной филологической науке, в связи с активным развитием в последние десятилетия целого ряда новых направлений, появилась возможность и для более глубокого осмысления многих давно известных лингвистических категорий и дефиниций. В частности, интенсивно разрабатываемая с 1990-х годов *лингвистическая жанрология*, опирающаяся на введённое в 1920-е годы М. М. Бахтиным понятие «речевой жанр», обратила особое внимание на создание типологий речежанровых форм, в основание которых могут быть положены различные принципы. Это позволило более многоаспектно охарактеризовать в том числе и, на первый взгляд, идентичные разновидности речевых жанров, которые, функционируя в различных коммуникативно-стилистических сферах, безусловно приобретают ряд отличительных признаков, в том числе и концептуального характера.

В современной системе речевых жанров термин «молитва» употребляется в двух значениях. Во-первых, он обозначает одну из жанровых разновидностей конфессиональных речевых произведений – «жанр конфессионального общения, словесное обращение человека к силам, в существование которых он верит» [3, с. 332]. Анализируя молитву как жанр религиозного дискурса, Л. Ю. Иванов приводит существующие типологии конфессиональных молитв, построенные на учёте различных признаков (с точки зрения отношения церкви – молитвы *канонические* и *апокрифические*; по временной отнесённости – молитвы *периодические*, *непериодические* и *постоянные* и т. д.), а также устанавливает перечень характерных для такого рода молитвы языковых признаков. Для христианских молитв это «формы местоимения

2 л. ед. ч., архаичные для современного литературного языка формы звательного падежа (*Богородице, Господи*), прямое название адресата по имени (*отче Николае*). Среди глагольных форм преобладает императив (*помилуй, подай, славься, не отвори и под.*)» [3, с. 332 – 333].

Во-вторых, термином «молитва» обозначается и один из стихотворных (поэтических) жанров художественной литературы – ср., в частности, одно из определений: «Поэтическая молитва – художественное высказывание, обращённое к Богу, реализующее определённую жанровую схему, основанную на диалогической форме текста, его апеллятивном характере, а также на вводимых в язык элементах, возвышенных и освящающих, которые могут быть связаны (хотя необязательно) с демонстрацией религиозности поэта, отражением его творческой деятельности и его сознания, обращённого непосредственно к Абсолюту» [Цитируется по: 5, с. 304 – 305].

Многие исследователи справедливо подчёркивают общность стихотворной молитвы и молитвы религиозной, отмечая их генетические связи, композиционное сходство и некоторые другие признаки. При этом не вызывает сомнений, что молитва в религиозном и словесно-художественном дискурсах, демонстрируя очевидное сходство по многим формальным параметрам, достаточно явственно отличаются друг от друга – прежде всего характером коммуникативных ситуаций, для функционирования в которых эти речевые жанры предназначены, существенно влияющим как на стилистическую тональность, так и на все другие лингвостилистические и иные характеристики двух разновидностей рассматриваемой жанровой формы.

Объектом нашего внимания в данном случае является стихотворная (поэтическая) молитва, имеющая в русской литературе богатую и прочную традицию, – как известно, к этому жанру обращались многие признанные мастера лирического жанра: М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. А. Фет, Ф. И. Тютчев, А. А. Ахматова, Н. С. Гумилёв и другие. В творчестве же некоторых русских классиков – к примеру, М. Ю. Лермонтова – жанр молитвы занимает весьма заметное и важное для осмысления их авторской концепции и особенностей идиолекта место.

Лирическое наследие М. Ю. Лермонтова включает только 3 стихотворения с названием «Молитва» (1829, 1837, 1839 годы написания), хотя, по справедливому мнению исследователей, к этой же жанровой разновидности принадлежит ещё ряд лирических произведений поэта – как, например, созданное незадолго до гибели поэта (1840 год) стихотворение «Благодарность». Образцом лирического (и соответственно светского) воплощения всех наиболее характерных параметров молитвы как конфессионального речевого жанра можно, на наш взгляд, считать «Молитву» **М. Ю. Лермонтова** [4, с. 380], созданную в 1837 году, адресатом которой, по мнению большинства исследователей, является В. А. Лопухина:

М. Ю. Лермонтов

МОЛИТВА

Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью, иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.
Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Судя по стихотворению М. Ю. Лермонтова и другим классическим образцам лирической стихотворной молитвы, к особенностям этого жанра в поэтической речи можно отнести и бóльшую обусловленность художественной структуры экстралингвистическим контекстом: нередко импульсом для её создания служит реальная личность, каковой, по предположению исследователей, явилась В. А. Лопухина для приведённого выше стихотворения

М. Ю. Лермонтова, или какое-то конкретное событие – к сожалению, как свидетельствует анализируемый материал, чаще трагического характера.

Так, жанр стихотворной молитвы оказался весьма востребованным и для участников и/или очевидцев событий, происходящих на востоке Украины с 2014-го года по настоящее время, официальными властями именуемых «антитеррористической операцией» (АТО). В одной из своих статей – «Немир: люди и культура» – профессор В. К. Суханцева необыкновенно точно передала царящую в одном из основных городов «зоны АТО», Луганске, атмосферу:

«Статья пишется в сентябре 2015 года в городе Луганске, где тянется зона АТО (заметим, официально зона антитеррористической операции, а не войны), стоят угрюмые блокпосты и длится блокада (экономическая, медицинская, продовольственная etc.), прерываемая вбросами контрабанды, вовлекшей в свои ряды поротно и побатальонно войско демократической Украины. ...

Здесь – отчётливо выраженный немир со всеми указанными выше атрибутами. ...

Немир имеет свой словарь: беженцы, переселенцы, перемещённые лица, пленные (и обмен пленными), контактные группы (подгруппы), а также ватники, сепаратисты, колорады, хунта, каратели, террористы, герои АТО, побратимы, партизаны, диверсанты; словарь продолжает увеличиваться» [6].

«Словарь АТО» отражают и созданные во время означенных событий поэтические произведения в жанре стихотворной молитвы, часть из которых написана уже известными и опытными авторами, другие же – поэтами начинающими, чьё обращение к перу нередко обусловлено именно сложившейся вокруг них ситуацией – см., к примеру, произведения, включённые в сборники «Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014 – 2015 годов» и «Время Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР» (2016), сопровождаемые краткими биографическими справками об авторах [2, 7]. Элементы словаря АТО – *ополченец, комбат, броня* – обнаруживаются в приводимом далее стихотворении **Юрия Макусинского** [2, с. 61 – 62]; в большинстве своём это военная лексика, достаточно давно из-

вестная русскому языку, однако существенно актуализированная современными событиями на Востоке современной Украины:

Юрий Макусинский

МОЛИТВА ОПОЛЧЕНЦА

Звенит в степи пчела, скучают терриконы,
комбат психует – значит, будет бой.

Я прикреплю к броне бумажную икону
и на колени встану пред Тобой.

Молюсь Тебе без слов,

Давно в них нет резонов.

Мне двадцать лет – и я ещё живой.

Мне завтра двадцать лет,

в крови звенят гормоны,

и очень-очень хочется домой.

Спаси и сохрани – шепчу тебе с поклоном.

Прости за всё, в чём грешен молодой

весёлый раздолбай, молитвам не учёный,

и, может быть, не годный к строевой.

И если не меня – спаси мою Алёну,

комбата и друзей, и мёртвый город мой.

Приведённое стихотворение может показаться слишком уж натуралистичным и потому не соответствующим достаточно строгим жанрово-стилистическим параметрам жанра стихотворной молитвы, априори исключаяющим сниженную лексику (как, например, употреблённое автором явно разговорно-сниженное *раздолбай* [1, с. 1068]), с чем отчасти мы готовы согласиться. Однако в то же время нам представляется, что можно простить эту вольность поэту, который в большинстве случаев придерживается заданных жанровой формой канонов, причём свойственных как конфессиональным, так и поэтическим молитвам: полностью выдержана композиционная структура жанра (наличие личного обращения и изложение просьбы); при обращении к адресату (высшей силе) использована архаичная для современного русского языка звательная форма, написанная с прописной буквы (*Господи*); среди глагольных форм присутствует несколько императивов (*прости, спаси, сохрани*) и др.

Основным достоинством стихотворения Ю. Макусинского, художественно зафиксировавшего преимущественно наивно-философское представление о ситуации, в которой оказался лирический герой, нам видится его очевидная искренность, в значительной степени и предопределившая своего рода «бесхитрость» изложения (иногда, впрочем, явно нарочитую).

«Молитва» Людмилы Гонтаревой [7, с. 49] – стихотворение, написанное поэтессой в сентябре 2014 года, – в значительно большей степени опирается на традиции классической поэтической молитвы:

Людмила Гонтарева

МОЛИТВА

Услышь нас, Господи, мы – живы,
пошли на землю свой конвой
гуманитарный. Тянет жилы
сирены вой и ветра вой...

Поверь нам, Господи, мы – люди.
В братоубийственной войне
за всех солдат молиться будем,
на той, на этой стороне.

Прости нас, Господи, мы серы
и сирены в глупости своей.
В родной земле греша без меры,
мы просим процветанья ей...

Спаси нас, Господи, мы слабы –
от миномётного огня,
стрельбы и ненасытных «Градов»,
мы сами не спасём себя...

О большей приверженности поэтессы традициям классической стихотворной молитвы можно судить в том числе и по характеру использованной автором лексики, которая включает, помимо общеупотребительных, и книжные слова (например, *сирены* – слово включается в контекст одновременно двумя значениями, одно из которых для современного языка является устаревшим (см.: [1, с. 1189]). Примечательно, что стихотворение Л. Гонтаревой так же, как и произведение Ю. Макусинского, содержит элементы «словаря АТО»: *гуманитарный конвой, мино-*

мётный огонь, «Град» (название одного из видов активно применяемого в настоящее время в Донбассе оружия – реактивной системы залпового огня), – которые вполне органично вплетаются в словесную ткань текста (на наш взгляд, это обеспечивается в первую очередь их образным авторским осмыслением – включённостью в тропы и фигуры: *гуманитарный конвой Господа* и др.).

Следует отметить, что, несмотря на активно действующую в современном языке тенденцию к демократизации, по нашим наблюдениям, жанр стихотворной молитвы и в настоящее время ориентирован преимущественно на классические традиции, что проявляется и в авторском отборе языкового материала для произведений, и в их композиционном оформлении, и в привлекаемой поэтами системе образных средств – ср., к примеру, авторскую опору на библейскую символику и в целом установку на книжность в приводимом далее фрагменте из стихотворения **Владимира Скобцова** [2, с. 100]:

Владимир Скобцов

МОЛИТВА

Крест племени осиною,
Меня не осени!
От счастья крысиного
Меня, Господь, храни!
От страсти лечь под сильного,
От власти шестерни,
От счастья крысиного,
Господь, меня храни!

Выражение *племя осиное* используется в процитированном тексте для перифрастического обозначения предателей – по преданию, Иуда Искариот повесился на осине [1, с. 729]; избранная автором вместо общеупотребительного *счастье* форма *счастье* с явно высокой стилистической окраской (кстати, аналогичная форма этого слова использована и в приводимой ранее «Молитве» М. Ю. Лермонтова) значительно повышает экспрессивность словесного пространства произведения, приближая его по тональности к образцам классической поэзии.

Таким образом, на наш взгляд, вполне закономерно будет в итоге сделать вывод о том, что анализ современной стихотворной молитвы может оказаться весьма продуктивным и для дальнейшего исследования особенностей этого речевого жанра в принципе, и для установления характерных признаков поэтической молитвы в разные периоды её существования.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.
2. Время Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. – Луганск, 2016. – 496 с.
3. Иванов Л. Ю. Молитва / Л. Ю. Иванов // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник; под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 332 – 333.
4. Лермонтов М. Ю. Молитва / М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырёх томах / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский дом). – Издание второе, исправленное и дополненное. – Том 1. Стихотворения 1828 – 1841 годов. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. – С. 380.
5. Перевалова О. А. Теория жанра молитвы в современном литературоведении / О. А. Перевалова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых учёных с международным участием (8 февраля 2013 г.). Ч. 2. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 300 – 308.
6. Суханцева В. К. Немир: люди и культура [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
https://www.google.com.ua/search?q=terra.lgaki.info%2Fsocium%2Fnemir-lyudi-ikultura.html&rlz=1C1CHMO_ruUA503UA503&oq=terra.lgaki.info%2Fsocium%2Fnemir-lyudi-ikultura.html&aqs=chrome..69i58j69i57j69i60l3.11700j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8;
дата обращения: 29.03.2017
7. Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014 – 2015 годов. Сборник стихов. – М.: Издательство «Перо», 2015. – 112 с.